

Слепокуров Алексей Александрович

### **ДУХОВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СМЕРТИ В ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

В статье рассматриваются типологические характеристики русской философии, раскрываемые через отношение к смерти. Отличительной особенностью русской философии смерти является то, что смерть здесь воспринимается как духовный феномен, имеющий смысл и ценность для человеческого бытия. В этом плане можно говорить о нравственном значении смерти. Данная идея подкрепляется воззрениями как классических, так и современных авторов.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/49.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/49.html)

Источник

### **Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 186-189. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/](http://www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/)

### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

## Список литературы

1. **Беляев Д. А.** Мультикультурализм как стратегия создания дискретного «сверхобщества» в контексте постмодернистской культуры: теория и практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22). Ч. 1. С. 46-50.
2. **Воспоминания крестьян-толстовцев (1910-1930-е годы).** М.: Книга, 1989. 479 с.
3. **Гордеева И. А.** Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: дисс. ... к.и.н. М.: РГТУ, 2000. 472 с.
4. **Мелешко Е. Д.** Толстовские земледельческие коммуны // Опыты ненасилия в XX столетии: социально-этические очерки / под ред. Р. Г. Апресяна. М.: Аслан, 1996. С. 157-166.
5. **Пегухова Т. В.** Коммуны и артели толстовцев Советской России (1917-1929): монография. Ульяновск: УлГТУ, 2008. 124 с.
6. **Поповский М. А.** Русские мужики рассказывают. Л., 1983. 230 с.
7. **Скворцов В.** Миссионерские думы по поводу смерти яснополянского нераскаянного ересиарха // Миссионерское обозрение. 1910. № 11. С. 187-198.

## PROBLEM OF TOLSTOYISM PERIODIZATION: ANALYTICS AND AUTHOR'S ORIGINAL EXPLICATION

Sinityna Ul'yana Pavlovna

Municipal Budgetary Educational Institution "Secondary School № 33 named after P. I. Shubin" in Lipetsk  
ulyana-sin@yandex.ru

The article examines the problem of the periodization of Tolstoyism as a valuable cultural phenomenon coherent in its genesis to L. N. Tolstoy's ideas proper and the socio-political history of Russia. The author critically analyzes the modern versions of Tolstoyism periodization, emphasizes their advantages and shortcomings. The paper develops and justifies the author's original variant of the periodization of Tolstoyism history.

*Key words and phrases:* Tolstoy; Tolstoyism; communard movement; neo-Tolstoyism; Tolstoyism history.

УДК 128

## Философские науки

*В статье рассматриваются типологические характеристики русской философии, раскрываемые через отношение к смерти. Отличительной особенностью русской философии смерти является то, что смерть здесь воспринимается как духовный феномен, имеющий смысл и ценность для человеческого бытия. В этом плане можно говорить о нравственном значении смерти. Данная идея подкрепляется воззрениями как классических, так и современных авторов.*

*Ключевые слова и фразы:* русская философия; русская культура; смерть; смысл; ценность; религия; нравственность; танатология.

Слепокуров Алексей Александрович

Воронежский государственный университет  
s.alyosha@bk.ruДУХОВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СМЕРТИ В ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ<sup>©</sup>

Философские традиции различных культур интересны не столько способом формально-языковой организации, сколько своим тематическим репертуаром. Несмотря на бесспорную универсальность многих философских тем, есть, по крайней мере, специфика национального подхода к той или иной философской проблеме. И возможно, именно эта специфика и раскрывает самое «потайное» в культуре, ее «скрытый логос», в котором живет «душа народа».

В этом контексте уместно обратиться к русскому философу Б. П. Вышеславцеву, который в своей знаменитой книге «Вечное в русской философии» утверждал, что не существует никакой специальной русской философии, но зато существует *русский подход* к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения [2, с. 7]. Это значит, что философия представляет собой наиболее универсальное явление мирового духа, представленное, однако, всегда национальным подходом к мировым проблемам философии.

В чем же особенность «русского подхода» к проблемам мировой философии, согласно Б. П. Вышеславцеву? Здесь, как нам кажется, он выражает наиболее глубокую сущность отечественной философии, находящуюся в непосредственной связанности с *проблемой смерти*. Сам он говорит об этом так: «Проблеме смерти и бессмертия русская философская традиция, оборванная принудительным коммунизмом и марксизмом, уделяла большое внимание. Ибо русские мыслители постоянно стремились к окончательным решениям и к постижению последнего смысла всего существующего» [Там же, с. 293].

Отмеченное Б. П. Вышеславцевым стремление к «постижению последнего смысла всего существующего» дает особое восприятие проблемы смерти, то восприятие, которое отсутствует в иных философских культурах. Сама смерть в контексте русской философии часто воспринимается как «высшее и предельное», содержащее в себе «последний смысл». И действительно, большинство наиболее оригинальных построений

отечественной философии связано с осмыслением смерти. Об этом говорят и современные исследователи русской философии смерти. Например, К. Г. Исупов выразился очень емко и образно, сказав: «Музыкой смерти переполнен космос нашей культуры» [6, с. 110].

Определение особого отношения к смерти в русской философской традиции важно не только как теоретическая задача по нахождению типологических характеристик отечественной философии, но еще и потому, что в современной действительности, переполненной самыми невероятными картинами чудовищной смерти, сама смерть утратила какое бы то ни было духовное и нравственное содержание, превратившись лишь в «информационный повод». Журналист А. В. Белокрыльцева описывает ситуацию современных российских СМИ глазами профессионала: «Каждый день до трети новостных сюжетов так или иначе связаны со смертью. Телевидение, радио, газеты, Интернет сообщают нам об убийствах, терактах, техногенных и природных катастрофах, эпидемиях, автоавариях, вооруженных конфликтах. Все эти новости сопровождаются информацией о количестве погибших. <...> На темы, связанные со смертью, в СМИ высказываются кто угодно – от политиков до звезд шоу-бизнеса, от актеров до дрессировщиков» [1, с. 97].

В этом контексте крайне важно выявить, или хотя бы наметить, главные подходы к смерти, которые имели место в традициях отечественной философии. Очевидно, что в рамках одной статьи это невозможно. Более того, уже упоминаемый К. Г. Исупов в предисловии к составленной им фундаментальной антологии «Русская философия смерти» пишет, что «Развертывание неизученной истории русского Танатоса в пору большой монографии; мы ограничимся существенными эпизодами» [5, с. 7].

Несмотря на объемность задачи, мы можем, по крайней мере, выявить одну инвариантную черту русского отношения к смерти, которую обозначим как «духовное восприятие смерти». За этим понятием стоит определенная мировоззренческая установка, которая отказывается видеть в смерти полный конец – и физический, и смысловой. Иными словами, эта позиция предполагает, что смерть имеет определенный смысл, придающий жизни ценность.

Это сложная антиномическая проблема, поскольку совершенно очевидно, что именно смерть является завершением не только жизни, но и ее смысла. Это полный смысловой тупик. Как говорит известный французский философ, один из наиболее серьезных исследователей смерти В. Янкелевич: «Смерть – не бесконечный притягивающий нас горизонт, а непроницаемая, останавливающая нас стена. <...> Смерть есть абсолютное “Нет”» [10, с. 80]. Эмпирическая конечность смерти ставит предел любому ее осмыслению в качестве позитивного факта. Такова своеобразная «небытийная провокация» смерти, спасение от которой мыслится, как правило, в религиозной проекции.

В данном случае речь идет о религиозной духовности. Однако если мы говорим о философской перспективе, то здесь понятие духовности приобретает несколько иной смысл. В религиозном смысле духовность – это «духовный» образ жизни, ведущий к спасению, то есть к вечной жизни, продолжающейся за гранью земного бытия. В философском смысле духовность – это поиск смысла и цели, нахождение ценности даже в конечном посястороннем бытии. И если говорить о духовном смысле смерти в философском плане, то это не всегда религиозное понимание.

Хотя большинство русских философов были христианами, и их философию принято называть христианской или религиозной философией. И это справедливо. При этом философы, обладая универсальным мышлением, обращались ко всем людям, безотносительно к их вере или неверию. Классический пример – труд Н. Ф. Федорова, который имеет такое характерное название: «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим)» [9]. Это подлинный философский универсализм, свойственный русскому мировоззрению.

Итак, духовный смысл смерти с точки зрения философии предполагает раскрытие ценности или смысла смерти не как абсолютного конца и завершения (если это материализм), но и не как «загробного существования» в виде «бессмертия души» (если это религиозная трактовка). Духовный смысл смерти предполагает нахождение ее нравственного значения для человека, вне зависимости от его религиозных убеждений.

Если обратиться к наиболее серьезным философским построениям русской философии, то именно *нравственное значение смерти* и является центром философских исканий. За этим стоит убежденность во всеобщей смысловой основе мира, которая сильнее абсурда и небытия. Конечно, это пересекается с христианским мироощущением, во многом сформировавшим отечественную ментальность. Как пишет известный специалист по русской культуре М. Н. Громов: «Именно через *христианскую матрицу* Русь приобщилась к мировой цивилизации» [4, с. 29]. И поэтому начало русской философии обычно связывают с Крещением Руси.

При этом, как мы уже говорили, философия имеет собственную автономную область, независимую от религии. Именно в ней и можно обнаружить наиболее интересные и продуктивные решения проблемы смерти. Рассмотрим некоторые из них.

Традиция философии всеединства, идущая от В. С. Соловьева, по праву считается магистральной линией русской философии. Ее уместно связывать с главным трудом философа «Оправдание добра», имеющим характерный подзаголовок: «Нравственная философия». Здесь прямо формулируется основная проблема смерти в нравственном контексте: «И не напрасно перед открытым гробом, когда все другое очевидно не оправдалось, мы слышим обращение к этому существенному Добру: “Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим”» [8, с. 79].

Эти слова являются прологом ко всем дальнейшим построениям отечественной танатологии, всегда настроенным на духовное восприятие смерти в нравственном контексте. Наиболее яркие и мощные построения принадлежат Л. Шестову, В. В. Розанову, Н. А. Бердяеву, С. Н. Булгакову, Е. Н. Трубецкому, С. Л. Франку,

Л. П. Карсавину, П. А. Флоренскому, И. А. Ильину, Г. В. Флоровскому, Б. П. Вышеславцеву и др. Среди концептуальных построений можно назвать «софиологию смерти» С. Н. Булгакова; «метафизику пола» В. В. Розанова; «непостижимость смерти» Л. Шестова; «недолжность смерти» Е. Н. Трубецкого; «трагический антиномизм» Н. А. Бердяева и т.д. Во всех этих построениях выявляется некий духовный смысл смерти, придающий жизни определенный смысл; смысл через смерть.

Если говорить о предшественниках философии всеединства В. С. Соловьева, то необходимо, прежде всего, назвать имена Н. Ф. Федорова, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Все эти мыслители очень разные и несхожие, но объединенные общей идеей духовного восприятия смерти. Выделяется здесь фигура Н. Ф. Федорова, философа «общего дела», родоначальника русского космизма. Смерть у него имеет отрицательный духовный смысл как фактор вражды и разъединения человеческого рода. Ему принадлежит очень сильная формулировка вопроса о смерти: «Если предмет науки заключается в разрешении вопроса о причинах вообще, то это значит, что наука занята вопросом, *“почему сущее существует”*, так как оба эти вопроса, очевидно, однозначны. Вопрос же, *почему сущее существует*, – вопрос, очевидно, неестественный, совершенно искусственный. Но как неестественно спрашивать, почему сущее существует, так вполне естественно спросить, *почему живущее умирает...*» [9, с. 45].

В этих словах содержится, по сути дела, первая в истории человеческой мысли постановка вопроса о смысле смерти. Традиционная философия нацелена на бытие, и поэтому смерть воспринимается как закономерный этап в общей эволюции мироздания. Здесь же острая постановка вопроса о целесообразности этого процесса: так ли необходима смерть, не является ли она не «нормой», а отклонением в нормальном прогрессе человеческого развития? Это пример чисто духовного восприятия смерти, оказавшего огромное влияние на современников философа, и прежде всего, на В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Между ними возникла продуктивная полемика, невероятной обогатившая палитру отечественной философской культуры. Поэтому не случайно, как отмечают современные исследователи, «в последнее время заметно возросло внимание к учению Н. Ф. Федорова» [3, с. 28].

Духовное восприятие смерти присуще крупнейшим писателям-философам: Ф. М. Достоевскому и Л. Н. Толстому. При всех различиях в их отношении к смерти, нужно сказать, что оба писателя были крайне уязвлены фактом умирания человеческого существа, обладающего разумом и волей. Никакого позитивного закона смены «рождения и смертей» они не видели в этом процессе, а видели скорее трагическую тайну, которую предстоит разрешать человеку в течение всей его жизни, в результате чего жизнь получает смысл и оправдание. Возможно, что острая затронутость смертью позволила этим писателям выйти к вершинам мировой культуры, поскольку они питались из национального источника с его сильным акцентом на духовное измерение проблемы.

Последний период русской философии отмечен ренессансом эклектичной танатологии. Многообразие дискурсов смерти, с одной стороны, снимает табу с некогда запретной темы, с другой, создает неопределенность и размытость смысловых границ проблемы. Повышен интерес к эмпирической танатологии, в поле зрения которой попадают различные, в том числе и биомедицинские, исследования. Общая тенденция такова, что духовное восприятие смерти сменяется на постмодернистскую многоголосицу в подходах и интерпретациях этого феномена.

При этом можно обнаружить и продолжение традиций отечественной философии смерти в трудах Н. Н. Трубинова, Г. С. Батищева, В. П. Фетисова, С. Г. Семенович, В. Ш. Сабирова, О. С. Пугачева и др. В трудах этих философов имеет место духовно-нравственное осмысление факта человеческой конечности, которая воспринимается как кардинальная метафизическая проблема, имеющая самое непосредственное отношение к смыслу человеческой жизни.

Особый интерес представляют «танатологические эксперименты» С. В. Роганова, которые, при кажущемся иронично-игривом пафосе, самым серьезным образом затрагивают проблему смерти, которая переживается современным, как правило, атеистически настроенным человеком. Наиболее примечателен его манифест «*Homo mortem*», где, между прочим, также говорится о духовном восприятии смерти: «Человек не рождается смертным – он становится смертным, и смерть его должна еще стать человеческой смертью, тем самым миром, в который человек вступает и творит» [7, с. 287].

Таким образом, обращаясь к традициям отечественной философской культуры, можно обнаружить высокий строй мысли о смерти, о смерти не как биологическом законе, а как о метафизической тайне, которая заставляет с благоговением (по крайней мере, с уважением) относиться к ценности человеческой жизни, что напрочь отсутствует в современной медийной культуре, цинично эксплуатирующей факт человеческой смерти. Таков высокий гуманистический пафос русской философии, который, как ни парадоксально, наиболее сильно раскрывается при соприкосновении с темой смерти.

#### Список литературы

1. Белокрыльцева А. В. Смерть как информационный повод // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 94-105.
2. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 302 с.
3. Гаврюшин Н. К. Воскрешение чаемое или восхищаемое? О религиозных воззрениях Н. Ф. Федорова // По следам рыцарей Софии. М.: Стар Интер, 1998. С. 27-69.
4. Громов М. Н. Судьба философии в России: типологический анализ // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом: сб. науч. ст., посвященный 70-летию кафедры истории русской философии / под общ. ред. В. А. Кувакина, М. А. Маслина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 21-42.
5. Исупов К. Г. Русская философия смерти (XVIII-XX вв.) // Русская философия смерти: антология / сост., вступ. ст., коммент. К. Г. Исупова. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 6-30.

6. **Исупов К. Г.** Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 106-115.
7. **Роганов С. В.** Евангелие человекобога посмертно. Собственноручно. М.: АСТ, 2005. 349 с.
8. **Соловьев В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47-549.
9. **Федоров Н. Ф.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. Т. 1. 518 с.
10. **Янкевич В.** Смерть. М.: Изд-во Лит. ин-та, 1999. 448 с.

## SPIRITUAL PERCEPTION OF DEATH IN THE TRADITIONS OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL CULTURE

**Slepokurov Aleksei Aleksandrovich**

*Voronezh State University*

*s.alyosha@bk.ru*

The article examines the typological characteristics of Russian philosophy revealed through attitude to death. A distinguishing peculiarity of the Russian philosophy of death is that death is perceived as a spiritual phenomenon, which has meaning and value for human existence. In this context one may speak about the moral meaning of death. This idea is confirmed by the views of both classical and contemporary authors.

*Key words and phrases:* Russian philosophy; Russian culture; death; meaning; value; religion; morality; thanatology.

УДК 32.019.5; 322; 324

### Политология

*На базе новейших публицистических материалов в статье рассматривается влияние религии на политику Индии. Несмотря на конституционные нормы, религиозный фактор остается одной из важнейших черт индийской государственности. Основной упор делается на существующей в стране межконфессиональной напряженности главным образом в силу того, что в Индии укоренилось представление об индуизме как об индийской культуре. В статье приводятся примеры того, как лидеры и идеологи партий БДП (Бхаратия джаната парти – Индийская народная партия) и ИНК (Индийский национальный конгресс) используют индусскую религию для манипуляции общественным мнением.*

*Ключевые слова и фразы:* религиозный фактор и политика; индуизм; межконфессиональный конфликт; политические технологии; предвыборная кампания; секуляризм; религиозный радикализм.

**Смирнова Екатерина Викторовна**, к.и.н.

*Санкт-Петербургский государственный университет*

*Ek\_Smir@mail.ru*

## РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНДИИ<sup>©</sup>

В странах Востока традиции пронизывают политику государств. Индия – страна, где религия тесно связана с политическими технологиями. Цель статьи – рассмотреть и проанализировать религиозный фактор в политике современной Индии. Индия известна как одна из самых религиозных стран мира: в 2011 г., по данным ООН, меньше 0,1% ее жителей не относили себя ни к одной из религий. На протяжении индийской истории бок о бок сосуществовали разные религиозные традиции. Индия является колыбелью таких религий, как индуизм, буддизм, сикхизм, джайнизм и др. В свою очередь, иноземные религиозные течения, которые получили распространение в Индии благодаря завоевателям и миссионерам, также приобрели многие типично индийские черты.

Индия – полиэтничное и многоконфессиональное государство. Согласно данным переписи 2001 г., 80,5% населения Индии исповедовали индуизм. Второе место по численности среди религиозных общин страны занимают мусульмане – 13,4% населения. Мусульманская община Индии занимает третье место в мире по численности (10,5% мусульман Земли), уступая лишь общинам Индонезии и Пакистана. Последователи христианства насчитывают в Индии 2,3% ее населения. Четвёртое место по численности принадлежит сикхской общине – 1,9% населения Индии. Следующими в списке религиозных общин Индии идут буддистская и джайнская (соответственно 0,8 и 0,4 млн человек в 2001 г.). Последняя перепись населения в Индийской Республике была проведена в 2011 г., в седьмой графе гражданам страны предлагалось отметить религиозную принадлежность. Однако в официальных, опубликованных в 2011 г. данных 15-й переписи населения Индии можно найти исчерпывающую информацию о населении штатов Индии, составе городского и сельского населения, о гендерном составе, об уровне жизни и т.д., но нет никакой информации о конфессиональной структуре общества. Эти данные были опубликованы лишь в январе 2015 г.

Графа «религиозная принадлежность» содержалась в анкете с 1871/72 гг., т.е. с момента проведения первой переписи населения. Однако для Индии это всегда очень деликатный вопрос, а опубликованные данные воспринимались болезненно. Дело в том, что мусульманское население страны неуклонно растет. В период с 1981-1991 гг. прирост мусульманского населения составил около 30%, в 1991-2001 гг. он уже был на уровне 35,5%, в то время как прирост индусского населения упал с 23% до 20,3%. Правительство Индии тогда заявило, что эти данные не могут считаться объективными, поскольку из-за волнений в 1981 г. перепись

<sup>©</sup> Смирнова Е. В., 2015